

Свирский был очень богат.

Досказать бы: и счастлив, ведь вряд ли одно отрицает другое, но всё решает суть счастья. Когда оно — победы и власть, то купюры здесь — первое дело. С любовью и безмятежностью по-другому. Деньги для них не помощники, а обстоятельство без знака «плюс» или «минус».

Жизнь Свирского складывалась хлопотно с самого начала, в известном любому дельцу порядке. Сначала долго и каторжно работаешь, чтобы сколотить капитал. Но этого мало, состояние нужно удержать, ведь деньги — золотые волки, не поддаются приручению и всегда готовы бежать. К тому же они должны расти, матереть, поэтому удерживать мало — надо дать им утекать так, чтобы они возвращались, и постоянно искать им пищу.

Голова дельца с утра до вечера занята мыслями о том, в какое производство вложить, какой дом купить, что построить на своём побережье и прочее, прочее, и дальше, дальше.

Жена от Свирского ушла давно, в пору безденежья. Остальных женщин он не помнил. Помнил только, что они были. Бесспорно красивые, а главное, умели заставить его на время забыть о делах. Когда мысли о бизнесе возвращались, красавицы в тот же миг теряли свою привлекательность и загадку.

Загадка — вот, что влекло Свирского. Но дамские тайны быстро разрешались, за ними почти всегда проглядывала несложная правда. Женщинам нравилось проводить время за его счёт, затем они хотели замуж и детей опять же за его счёт — вот и всё. Одна и та же разгадка, одно и то же разочарование, тупое, как игра с предсказуемым результатом, ему надоели.

Предпринимательство было для него чем-то вроде математических или шахматных головоломок, многоступенчатой комбинацией с тысячей острых ситуаций, где путей решения может быть несколько, и из каждого ответа вытекает новая задача. Расставшись с очередной земной богиней, он с тройным усердием брался за решение бизнес-ребусов, которое в качестве ответа предполагало приумножение капитала.

С годами получение прибыли отступило на вторые позиции, оказалось не единственной и, как ни странно, не главной целью.

Свирский давно понял, что не все обстоятельства в этой игре он может предвидеть и поэтому в полной мере просчитать итог. Мелкие, порой досадные случайности усложняли без того непростое решение задачи, делали её ещё более притягательной.

Они как бы намекали: человеку не всё подвластно и с предательской частотой возникли так виртуозно просто, глупо, что делец готов был хлопать в ладоши и восклицать: «Браво, Господи!»

В мире ничто не случайно, если полагаться на логику Бога. Вот бы и ему, Свирскому, стать таким богом-предпринимателем. Но Господа не перехитришь и не напросишься к нему в заместители...

Можно ли жить иначе, Свирский не думал. В мире наверняка есть что-то такое, что... не бизнес. Но разве это жизнь, когда нечего решать, распутывать, выстраивать и получать деньги?

Все удобства, что пришли к нему вместе с растущим состоянием, он воспринимал, как заработную плату. Ресторанами, виллами, яхтами он платил себе за решение задач. Но скоро эти радости принесли разочарования, тоже не печальные, Свирский ведь понимал: в мире всё конечно, и быстрее всего кончаются наслаждения. Ни один ресторан не мог заинтересовать его съестными изысками. Ни один автомобиль не вёз так, как Свирскому понравилось бы, ни один остров не окружил пейзажами, которые не обрыдли бы за неделю. Ни один стильный пуловер или пиджак не открывал Свирскому его образа с неожиданной стороны, а лишь подтверждал то, что богач всё о себе знает. О литературе, живописи, театре, музыке, спорте говорить нечего: всё это — рукотворный мир заведомо скуднее Божьего, считал он. Главное же разочарование состояло в том, что можно купить любую иллюзию ощущений и чувств.

Чтобы настолько пресытиться, надо прожить лет пятьсот или просто иметь много денег.

Интерес к гамбитам бизнеса в конце концов тоже притупился. Свирский свалил все дела на своего фирменного юриста — многолетнего помощника и единомышленника. Сам облачился в джинсы, простецкие сандалии, пристрастился к пешим прогулкам и бездумному зеванию по сторонам.

Однажды в витрине ювелирного магазина он увидел бриллианты. То есть, и прежде их видел и мог купить весь магазин, если бы захотел, но до сих пор искристые побрякушки не встраивались в шкалу его ценностей.

Свирский зашёл в салон. Продавцы не обратили внимания на зеваку в сандалиях — не видели в нём покупателя. Довольный, что никто не будет соваться к нему с предложениями лучших вещицек, он разглядывал бриллианты. Их радужный блеск походил на неразгаданную тайну несбыточной женщины и вместе с тем, на отточенные филигранные повороты бизнеса. В сияние хотелось погрузиться и смотреть на мир изнутри камня. Оправа мешала. Алмазные грани под разным углом, как в калейдоскопе образующие точно выверенные рисунки, стискивались металлом и придавали поэзии геометрии вульгарность, приземляли до категорий «продукт», «товар».

Очарованный, делец нехотя покинул витрины и в два дня по связям нашёл нужного человека. На все свободные деньги — те, что не участвовали в обслуживании обширной деловой империи — Свирский купил горсть бриллиантов и высыпал дома на кухонный подоконник. Несколько — почти все — были прозрачные, голубые. Счастливый обладатель драгоценных камней видел, как живой луч света нещадно изламывается в гранях, лохматится на радужные полосы, теряет живительную суть, служа красоте камня.

В горсти бриллиантов особо выделялись два — о, эти два... Чёрные, мерцающие гранями — завораживающие, если в них долго смотреть. Продавец рассказал, что чёрные алмазы — редчайшие подарки земли, загадочные случайности, ведь никто до сих пор не понял, не вызнал, где и как они залегают. Никакие геологические приметы

и закономерности не работают в поисках этих драгоценных осколков сердца планеты. Найти их можно только невзначай.

За эту информацию Свирский прилично доплатил и теперь рассматривал камни один за другим, благоговейно перекатывая на ладони, поднося к свету. Так он провёл несколько часов, забыв о том, что существует. А когда вспомнил, то нашёл себя бодрым и радостным. Первое знакомство с камнями походило на какую-то необыкновенно действенную, живительную душевную терапию. Её хотелось повторять. Свирский так и делал. Каждый вечер. И ночью, когда не спалось.

Постепенно любование бриллиантами стало сродни купанию в прозрачной балийской волне. Воображение погружало Свирского в камень, будто в воду. Прозрачные грани колебались, расходились круговыми волнами, искрясь мириадами брызг.

Иногда Свирскому казалось, что он внутри прозрачной хризантемы, пытается проникнуть в чашу лепестков, сосчитать их. Это было тоже приятно, а главное, невозможно — как раз по нему, никогда не искавшему лёгких путей, скорее рациональных.

Случалось, он не забирался в своих фантазиях так глубоко, просто рассматривал камешки под настольной лампой, может быть, как никто понимая андерсеновского Кая.

Свирский забыл, какой думал купить дом, чем обустроить побережье и в какие заводы вложить капитал. Деньги спрессовались в банке, как торфяные брикеты, окаменели, ожидая решения, а оно не принималось. Хозяин денежных брикетов день за днём бесцельно слонялся по городу. Возвращаясь в сумерках домой, он подносил бриллиант к ночнику клювом пинцета, брал лупу и мысленно растворялся в комбинациях плоскостей и радугах.

2

Однажды, во время такого эстетического пиршества в дверь позвонили. Свирский замер. Звонок повторился. Было странно, что сообщали о себе не в домофон. Консьерж тоже почему-то не известил его о гостях. Свирский был в замешательстве. Звякнули ещё и ещё раз. Звонок будто казнил Свирского, полосую по ушам резким звуком, а по душе — ножом. Надо было в секунду придумать, как спрятать бриллианты. Свирский накрыл россыпь салфеткой.

На пороге стоял незнакомец — не сосед — и умолял позволить ему поговорить с Галей. Свирский едва сумел вставить пару слов насчёт того, что юноша ошибся дверью. До взволнованного незнакомца дошло не сразу, он извинился и медленно повлачился вниз по лестнице, не вполне сознавая, куда ему теперь. Идея поинтересоваться у того же Свирского, не живёт ли Галя на других этажах, несчастного не настигла.

Свирский заперся и поспешил обратно к своим алмазам. Пока он говорил с незнакомцем, дверь всё время оставалась открытой. Обожаемые камни, пусть и под салфеткой, могли привлечь внимание непрошеного гостя.

«Почему расстроенный парень звонил именно сюда?» — внутренне холодея, спрашивал себя Свирский. Тоненькая, но быстрая, отравленная страхом струйка подозрений всачивалась в мозг. В конце концов, в душе прочно обосновалась боязнь, что однажды он вернётся с прогулки, а бриллианты украдены. Замотав их в бархатную тряпку, Свирский заметался с ней по комнатам на обоих этажах, придумывая, куда спрятать.

Устройство тайника в полу или мебели, установка хитроумнейшего сейфа требуют присутствия в доме посторонних, которые Бог знает как могут воспользоваться ситуацией.

Ужас между тем рос, креп, вил из души верёвки. Свирский решил везде носить бриллианты с собой. Некий тревожный покой на время дал передышку, но однажды, на бульваре делец услышал оклик: «Галья!» Голос показался знакомым. Свирский обернулся: за ним цокала каблучками девушка, её догнал парень, напомнивший недавнего визитёра — ухажёра какой-то Гали, может быть, этой. Парочка шла позади несчастного богача. Следила за ним? И может быть, уже давно? В душе опять склубился неприятный холодок.

После этого случая Свирскому стало мерещиться, что он читает в глазах прохожих ненависть и всеобщий убийственный заговор.

Купить пистолет, думал он, значит дать кому-то зацепку для размышлений. Когда-то ведь и Свирский решал ребусы конкурентов, даже более замысловатые, а тут — что отгадывать? Мужик покупает оружие, значит, дорожит жизнью. Почему? Есть, что терять. Так до камешков и додумаются.

Ходить с охраной — привлекать внимание, да и среди охранников разные бывают люди, мало, что ли, их послужило Свирскому за годы.

Привыкшая, казалось бы, ко всяким напряжениям голова буквально распухла от вообразаемых проблем и поиска решения, которого просто не было, ведь за каждым ответом выстраивалась цепочка новых страхов. Похоже, мозг не старался успокоить хозяина, а изощрялся, выдумывая разные боязни, превращал маяту Свирского в замкнутый круг.

Потянулись мытарства в поисках безопасного хранилища, но ни один банк не казался надёжным.

Свирский возненавидел жизнь за то, что в проблемную тайну рано или поздно приходится кого-нибудь посвящать. Почти в каждом деле всегда следует допускать некоторую долю доверия потому уже, что никакие бумажные договоры не страхуют от чьей-нибудь необязательности или нечистоплотности в делах.

И у него появился адвокат. Не тот, кому Свирский поручил свои заводы, дома и пляжи с отелями. Адвокат этот, Никита Витальевич, умел внушить доверие настолько, что клиент сходу попадал под гипноз респекта, просто жаждал выболтать всё сокровенное и попросить совета.

Никиту Витальевича ничей приход не мог бы вывести из самоуважительного, самоуверенного состояния духа, который обитал не только в породистом теле, а как бы и снаружи его — так и нёсся, так и лез в глаза и ощущения посетителя.

Кабинет был под стать владельцу — выдавал великое знание толка в жизни, понимание природы каждой вещи вокруг хозяина. Ничто в мире не случайно — так молчаливо сообщал офис и костюм, и самая фигура юриста.

Адвокат не спросил у странного клиента ни имени, ни документов. В глубоком, пристальном молчании выслушал, пообещав найти самое надёжное хранилище в самое короткое время. И действительно, позвонил через пару дней и пригласил полубезумевшего владельца алмазов на беседу.

Речь пошла о некоем Романе, физике или химике, или всё вместе.

— Этот учёный, то есть, раньше учёный, а теперь умелец широкого профиля, просто волшебник, — после допустимого приветствия сообщил адвокат Свирскому. — Он сможет устроить так, что ни один мошенник, вор, гений аналитики не догадается о существовании тайника. В общем, мастер на оригинальные штуки.

— А он не... — замаялся Свирский.

— О, нет, поверьте. Рома — любопытный экземпляр человеческой породы... Есть люди, абсолютно равнодушные ко всему материальному, — гении, кто с самого начала живёт словно бы не в бренном мире. Для них земные радости, чины, слава равны

невзгодам и потерям, то есть, плохое и хорошее, благо и лишение стоят в одном, отдалённом от любимого дела ряду, потому принимаются с одинаковым равнодушием. Вы с первой секунды всё поймёте, как только увидите нашего кудесника.

В прежние годы Роман успешно работал над созданием какого-то преобразователя, но исследования оказались не нужны стране, и были свёрнуты. Учёный заперся в квартире, продолжая уже не нужный государству научный поиск, выходил только за продуктами. В ближнем магазине покупал молоко, батон и банку бычков в томате. В гастрономах, даже самых маленьких, давно уже появилась масса новой прельщающей снеди, но химик упорно брал молоко с булкой и любимые консервы.

Если бы однажды бычков не привезли или они оказались не в томате, Роман, наверное, растерялся бы, беспомощно обводя близорукими глазами полки, словно ища, за что ухватиться и не упасть, или чтобы мир не рухнул. Потом купил бы другое и съел, сидя за книгой, даже не почувствовав нового вкуса. Но к счастью или сожалению, в современных магазинах всегда всё есть, и химик упорно покупал одно и то же.

Одевался Роман небрежно, но по нынешнему времени это ничего для окружающих не значило. Он выглядел спокойным и отстранённым. Его не могли бы вывести из себя ни отставшая подошва ботинка, ни потеря кошелька.

Но гений не был равнодушным человеком, скорее наоборот. Он не чурался страстей, бурных эмоций, вёл жизнь, наполненную драматизмом, наслаждениями, разочарованиями; учёный бывал нежным и романтичным, занудливым и дотошным. Эту пестрядь эмоций во всей полноте красоты или уродства, болезненности или торжества он испытывал во время научных экспериментов: химических реакций, физических процессов, которыми пересыщен научный поиск, означавший для него самую жизнь.

Когда стране его находки негодились, он не умер, но умер бы, если однажды у него отняли бы возможность заниматься научными изысканиями, например, поселили в сумасшедший дом. Равнодушие общества для некоторых его членов зачастую — большое благо. Так что Роман жил, творил и был счастлив.

3

Свирский приехал к Роману. Пока он рассказывал о своей проблеме, лицо хозяина обшарпанной квартиры оставалось идиотски непроницаемым. Миллиардер засомневался, что имеет дело с нормальным человеком. У всех редких собеседников химика возникало такое ощущение.

Захотелось поразить этого непризнанного гения. Свирский пошарил за пазухой, развернул перед Романом тряпку, в которой носил алмазы, и сам невольно залюбовался ими: камни блестели тысячетными непорочными слезами.

Лицо учёного изменилось, в нём появилось некое изумление, интерес. Химик-физик пошарил в столе, вытащил лупу, штангенциркуль или что-то в этом роде, стал рассматривать и замерять один из камней.

Свирский предполагал заметить алчный блеск в глазах Романа и даже увидел огонёк жадности, но совсем другого свойства, и досадно ему стало, что преклонения перед камнями учёный-чародей не разделяет. Впервые в жизни делец не чувствовал к этому человеку презрения, какое постоянно испытывал к людям, в том числе, к Никите Витальевичу. Свирский частенько, фигурально и буквально выражаясь, разжимал кулак с деньгами, драгоценностями перед женщинами или солидными мужчинами и всегда видел в их глазах одно и то же — жажду обладания. Только у мужчин,

как правило, сразу, а у неглупых женщин — не вдруг. Химик же смотрел как бы мимо алмаза, в свои мысли.

— Так что? Что? — вопрошал миллиардер. — Вы придумаете, как мне их сохранить?

— Угу, — безвкусно согласился умелец. — Пять миллионов это будет стоить.

Свирского такса удивила. Подсознательно он почему-то надеялся, что платить не придётся. Впрочем, Бог с ними, с миллионами. Свирского подмывало спросить, зачем столько, но вместо этого он сказал:

— Идёт.

Вытащил из кармана пачку банкнот и положил на стол. Химик-физик не притронулся к ним, встал, хотел, кажется, побыстрее проводить посетителя. Свирский ушёл, размышляя о странном изобретателе, хотя, сказать по правде, мало чем отличался от него внешне. К тому же, оба были одержимы.

Месяц, пока Роман не давал о себе знать, Свирскому звонил управляющий его немалым имуществом. Между прочими новостями Свирский узнал, что Никита Витальевич исчез. То ли на Кипр перебрался, то ли на благословенные Канары. Или ещё куда-то. «Жареным запахло», — подытожил управляющий. Свирскому было очевидно другое.

Конечно, адвокат не на Кипре и не на Канарах. Люди, дающие сильным мира сего неоднозначные советы, не уезжают в одночасье на острова на пару недель. Свирский понимал, что до конца своих дней не услышит о Никите Витальевиче и о том, что в некоей стране на уединённой вилле, прежде битком набитой прислугой и домохозяками, а в роковой час напрочь опустевшей, нашли тело известного российского адвоката...

Но вот изобретатель позвонил и пригласил к себе.

Физик-химик с фотоаппаратом на шее встретил Свирского в дверях и чуть ли не за рукав втащил в квартиру. Роман подталкивал пришедшего, торопя пройти в комнату. Гость прощал гению бесцеремонность, ведь за этим следовало нечто, несущее, наконец, душевное равновесие.

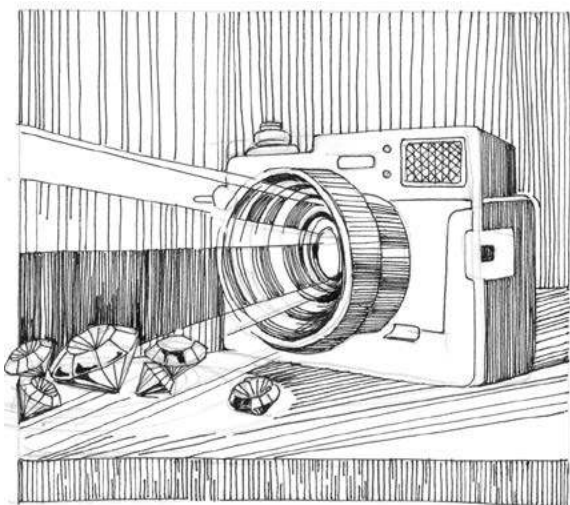
— Кладите ваши камешки сюда, — приказал хозяин, одним махом сметя со стола какие-то бумаги.

Из узкого пространства между столом и стеной был вынут кусок плексигласа и водружён на столешницу. Бизнесмен разложил на нём алмазы так, как указал Рома: на небольшом расстоянии друг от друга, по кругу.

— Задёрните шторы, — скомандовал физик дельцу и навёл объектив фотоаппарата на богатство.

Учёный долго целился, примеривался, наконец, два раза щёлкнул. На плексе вместо алмазов Свирский с ужасом увидел чёрные пластинки, похожие на карандашный грифель!

— О, Господи! Что вы наделали, — воскликнул делец.



— Не волнуйтесь. Это графит. У него тот же состав, что и у алмаза. Только теперь никто не позарится на ваше богатство.

До Свицкого стал доходить смысл случившегося.

Химик достал футляр из-под очков и аккуратно сложил в него графитовые пластинки.

— Чтобы вернуть камням прежний вид, хорошенько наведите объектив преобразователя и щёлкните два раза, — напутствовал он Свицкого.

Тот покосился на учёного.

— Вы дарите мне этот аппарат?

— Нет. Отдаю заказ. Он изготовлен на ваши миллионы. Старайтесь не трансформировать алмазы туда-обратно слишком часто.

Так и сказал: «миллионы», а не «деньги», пренебрежительно. «Что ж, имеет право», — думал Свицкий, принимая преобразователь.

Делец пожал учёному руку и спустился к машине. Пока ехал, думал: гений, конечно, «вещь в себе», но как быть уверенным в его молчании? Он не болтун, это видно, не станет рассказывать, чем занимается. Но вдруг из презрения к клиентам когда-нибудь кому-нибудь да и обмолвится.

Свицкий привычно похолодел.

Как же заставить умельца гарантированно молчать? Разве что...

Через несколько недель в газете делец наткнулся на некролог, из которого узнал, что химика звали Савельев Роман Сергеевич, что он был талантливым учёным, выступал на симпозиумах во всех частях света. На его разработках процветают пять самых продвинутых стран мира. Добрым словом вспоминают они русского Романа. Хоронить будут с приличной помпой.

Отныне о тайне не знал никто. Можно вздохнуть с облегчением и заняться, наконец, капиталом, но покой почему-то не наступал.

Свицкий то и дело доставал коробку, разглядывал графит, сомневался, паниковал. Не выдержал и снова «сфотографировал» графит. Всё случилось: алмазы приняли прежний вид. Богач задохнулся от восторга. То ли от волнения, то ли от тусклого света ночника бриллианты показались Свицкому мутноватыми. Тот ревниво, пристрастно разглядывал под лупой каждую грань, каждое алмазное ребро. Но, слава Богу, всё оказалось нормально. Как всегда. Успокоившись, хозяин опять трансформировал заветное богатство в графит, сложил в коробочку и спрятал.

Так жил. Рад бы не смотреть на алмазы, но что-то беспокоило, и ревнивец снова и снова «оживлял» свои сокровища.

Однажды проснувшись среди ночи, Свицкий рывком сел на постели с мыслью, что у него в Бутово живёт мать.

«Когда ж я был у неё последний раз?» — припоминал делец, кладя в кейс коробочку с графитом и преобразователь.

По дороге он накупил в магазинах продуктов, на придорожном стихийном рыночке сторговал вязаные гольфы.

Старушка открыла дверь и вроде бы не удивилась, увидев сына на пороге. Он давно не звонил ей, и она ему тоже, однако его приезд не обрадовал старую женщину.

— Что-нибудь случилось? — спокойно, даже пресно спросила мать.

— Просто... Долго не виделись, — промямлил Свицкий. — Как ты?

— Как видишь, — безразлично ответила мать и прошаркала в комнату.

Свицкий пошёл за ней, волоча пакеты с покупками тоже прямо в комнату, а не на кухню.

Мать опустила в кресло и посмотрела на пакеты.

— Это тебе, — объяснил Свирский.

— Потом, — коротко сказала она. — Рассказывай.

В этой короткой фразе была вся она — старая леди Свирская, воспитавшая сына в одиночку, никогда ничего не просившая у окружающих ни для себя, ни для сына. Он много лет почти не звонил ей, да она и не требовала, не от чёрствости, не от того, что одинокая жизнь убила в ней способность любить, заботиться или хотя бы требовать этого к себе, а чтоб не навлечь на сына бед, не стать его уязвимым местом. Сейчас, когда он неожиданно оказался на пороге, она встревожилась, но постаралась не показать этого.

Глядя на мать, сын ощутил, как тяжело и долго болел своей корпорацией, капиталом. Именно болел, как всякий азартный игрок, ведь бизнес — игра, где можно всё потерять вместе с жизнью, но и выиграть баснословно много. Вначале этого пути он много раз проигрывал, восстанавливался, поднимался, анализируя упущения, и пытаясь понять правила игры. Потом понял: чтобы побеждать, нужно играть по своим правилам. Он их выработал и менял, когда считал нужным.

Понимала ли это мать? Он не знал. Не знал, что для неё всё гораздо проще — она любила сына и ждала, принимая стремления, промахи и победы как часть его личности.

— Рассказывай, — повторила она, и Свирский почувствовал себя школьником, вынужденным объяснять, за что получил двойку.

Отовсюду, чуть ли не теми же материнскими глазами на него смотрела старая мебель, фарфор и бронзовые подсвечники на подоконнике, которых он в детстве боялся.

Свирский вздохнул и поведал, что считал нужным, не привирая, не смягчая ситуации, иначе старушка не поверила бы. Потом они пили чай с принесённой им вкуснятиной почти в молчании, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Перед уходом он попросил мать взять его фотоаппарат и коробку.

— Что мне с этим делать? — спросила она.

— Просто сохрани.

Мать велела ему оставить фотоаппарат в спальне на гвоздике от висевшей на нём когда-то картины, коробку с графитом сунула в первый ящик массивного векового стола.

— Прощай, — сказала мать. — Не уверена, что смогу хранить твои вещи десять лет, но сколько Бог отпустит, буду, ты меня знаешь.

Сын кивнул, подавив желание крепко обнять маму и покрыть поцелуями её почти облысевшую голову. Но тогда она бы точно растревожилась, потому что это походило бы на вечное прощание.

4

Вскоре после визита к матери Свирского посадили в тюрьму. На десять лет. С конфискацией. Стараниями его доверенного управляющего. Свирский точно не понял за что, хотя удивился, что к делу не привязали смерть химика. На заключительном заседании судья обстоятельно описывала вину подсудимого, тот не слушал. Его занимала, как ни странно, интуиция. Он всегда полагал, что предчувствия — бабьи выдумки. То есть, интуиция существует, но не как ясновидение — это он считал бредом недалёких женщин.

Интуиция, полагал он, вполне объяснимая вещь, оттачивается в человеке, когда тот становится асом в каком-нибудь деле. Мастер высокого полёта может заранее предугадать развитие событий в бизнесе, в лечении, если речь идёт о медицине, так везде, во всём.

«Но почему я вспомнил о матери именно тогда, когда надо мной нависла тюрьма? — спрашивал он себя. — Я не мог этого ни знать, ни чувствовать — был с потрохами поглощён алмазами... Мама сказала: «десять лет хранить не обещаю»... Откуда она знала, почему сказала именно «десять лет»?»

Зрители, каких привлёк суд над магнатом, расценивали его отстранённость по своему, дескать, потерять богатство, загреметь в тюрьму — это любого в ступор загонит.

Свирский меж тем наоборот, вроде как просыпался. Будто бы последнее время он спал, окружённый алмазной пылью, и вот его кто-то грубо растолкал...

Однако новая полоса жизни под стражей тоже — не явь. Предстояла долгая мучительная летаргия...

Свирскому стукнуло сорок пять, когда он вышел из тюрьмы. На самолёте его доставили в Москву, где все обвинения были сняты. В зале судебных заседаний, куда освобожденец явился уже как пострадавшая сторона, на скамье подсудимых сидел его доверенный управляющий, тоже смотревший, как когда-то Свирский, себе под ноги, осмысливая перемены. Оправданный ничего не чувствовал ни к подсудимому, ни к ситуации.

Дельцу вернули не всё состояние, которым он когда-то владел, но это много больше того, что осталось бы в лучшем случае при худшем адвокате... Он встретил это



известие не так равнодушно, как свершившееся возмездие, — досадовал, что теперь опять нужно кому-то что-то поручать, продавать, сдавать в аренду, словом, заниматься устройством богатства. На сей раз он поручил дела юристу — даме, вызволившей его из тюрьмы.

Ещё в заключении Свирский узнал о смерти матери. Похоронами, квартирой и другими делами занималась адвокат — спокойная ухоженная женщина, Лариса Аркадьевна. Её незадолго до своего ухода из жизни наняла мать. Дама-юрист после суда долго подробно отчитывалась перед подопечным, что сделано и что предстоит.

Поигрывая ключом от квартиры, Свирский смотрел на адвокатессу и соображал: красивая она или нет. Неожиданно он прервал разговор, ничего не решив насчёт красоты, забыв поблагодарить спасительницу, отправился на кладбище.

Умиротворённый строгой кладбищенской тишиной, Свирский рассматривал фотокарточку на памятнике. Он решил, что фотографии не передают живых человеческих черт, особенно паспортные — именно с такой карточки сделан мамин надгробный портрет. Человек выглядит на нём так, будто во время съёмки уже был покойником, только с открытыми глазами.

Свирский размышлял, а с души постепенно спадало сонно-вялое безразличие. Становилось вроде бы легко, но вместе с тем, досадно, горько и ещё как-то, — он не знал, как назвать...

На обратном пути, подходя к воротам, делец увидел в стороне памятник важному для него человеку. Издалека, не зрением, а предчувствием он не прочёл — понял надпись на гранитной плите. То была могила Романа. Свирский вспомнил алмазы, свою болезненную трусость и вздохнул.

На кладбище лежали два человека, мама и Роман, которых Свирский знал и не знал — не понимал, как и всю когорту людей, кто любил, любит не деньги, живёт не для них, мерит жизнь не ими...

Мамина квартира встретила Свирского насторожённым эхом от любого, даже кроткого движения, словно не доверяла пришельцу. Он обошёл комнаты, окинул рассеянным взглядом мебель, покрытую сизым слоем пыли. Ему стало жаль, что он почти ничего не знал о маминой жизни, юности, о том, что и кого она любила. Самый близкий, родной человек оказался немалой загадкой для него. В груди у Свирского загло.

Он не поехал к себе в квартиру, остался на несколько дней в маминой — вспоминал проведённое здесь детство. Свирский пока не знал, вернётся ли в бизнес, и вообще не решил ещё, чем заняться. Хотел собраться с мыслями, но не получалось. Лариса Аркадьевна, Лора, как называли её сотрудники её же собственной юридической конторы, то и дело отчитывалась лично и по телефону о сделках, договорах. Свирский не хотел вдаваться в подробности, его устраивало всё, что она делает, но та с упорством отличницы рапортовала о свершениях. Он наблюдал за её спокойными, скупыми движениями, слушал низкий голос, изучал брови, глаза.

А потом влюбился. Чувство навалилось, накатило на него и сжало не хуже тюрьмы. Но из тюрьмы он хотел выйти, а из плена любви — нет, разве что мёртвым.

Лора догадалась о его чувстве и была спокойна, а он жаждал удивлять её. В ресторан она с ним сходила, но на Мальту лететь отказалась и в Лиссабоне, как оказалось, отдыхала ещё до встречи с ним. Ему мучительно хотелось, чтобы она в нём нуждалась, но она ничего не просила, ни на что не сетовала. Он добивался её восхищения, изумления или хоть смущения. А ничего не было. И Свирский возжелал обратно своё могущество, свои дома, побережья. Он готов был купить киноконцерн, сеть ювелирки, построить на морском дне виллу, лишь бы Лора посмотрела на него с интересом.

Ему стоило труда получить её согласие на свидание, а получив, он едва не стоял на голове, рад был, напялив ошейник, пристегнуть поводок к запястью любимой.

Отношения не складывались счастливо ни для Лоры, ни для Свирского. Она терпела его, а он проклинал себя, хотел сбежать и не мог. Она перестала отчитываться перед ним о делах и планах, — он сам наезжал к ней в контору каждый день.

Однажды она сказала: «Я ухожу». Оборвала воображаемую собачью цепь, без которой он не мыслил жить. Он стал судорожно придумывать способ удержать Лору. Сходу отмёл предложение кругленького счёта, покупку острова и яхты — этим её не удержишь, а только ускоришь уход. Надо сотворить что-то такое... Свирского осенило. Он вспомнил про алмазы.

«Постой, я хочу тебе кое-что показать», — взволнованно выпалил Свирский, быстро отыскал очённый футляр, высыпал на скатерть графит. Возлюбленная смотрела так, словно уже ушла. Несчастный богач сорвал со стены фотоаппарат-преобразователь и два раза щёлкнул. На столе во всём великолепии засверкали прежние хозяева его души. Свирский взглянул на милую, надеясь хоть на проблеск живого интереса. Женщина изобразила подобие улыбки, произнесла:

— Мило. Прощай.

И ушла. Он пригоршней сгрёб алмазы, хотел запустить в закрывшуюся дверь, но опомнился, развернул дрожащую ладонь. Камни помутнели, оплавившись и походили на мутные стёклышки. Но это не страшно, это слёзы глаза застыт...

Он бросил богатство на стол и, даже не подумав запереть дверь, пошёл за водкой. Месяц назад предпочёл бы хорошее вино, но теперь — водки. Пил, не торопясь, обстоятельно, как когда-то строил миллиардную империю, которую и сейчас, с оставшимися барышами ещё можно возродить. Пьянея, богач думал о странной игре судьбы: его «проходные» женщины были абсолютно чужими для него людьми, но он с первой минуты знал о них всё. А о двух любимых — маме и Лоре, — ничего не понял. Дамы, не падкие на богатство, оказалось, не такая уж редкость: один Свирский любил двух. Маму он ещё как-то мог понять или хоть домыслить мотивы её жизни, но любимую... Чего Лора от него ждала? Почему он её об этом не спросил? Наверно, не успел. Маму тоже не успел. Может, Роман объяснил бы, но его не вернёшь. Никого из них не вернёшь...

Свирский пил вприглядку на бриллианты. С каждым стаканом они казались всё более пошлыми, как женщины-субутьльницы. Тогда он полил их водкой, чтоб им тоже было пьяно, и заснул тут же, за столом.

Довольно поздним утром очухался и понял: водка не помогла и не помешала. Алмазы лежали на высохшей газете. Свирский взял преобразователь и, не стараясь точно наводить объектив, ритмично, как автомат, нажимал и нажимал кнопку пуска. Графит превращался в бриллианты, те — в графит. К вечеру алмазы, вместо того, чтобы в тысячный раз превратиться в графит, треснули. Камешки раскололись на кусочки, те рассыпались в крошку. Крошка — в пыль.

Тремя пальцами Свирский взял щепоть алмазного песка, просыпал обратно на газету, оделся и вышел в ночной гудящий город. Непрерывный городской шум не проник в Свирского, потому что вместо души у него образовалась чёрная дыра, убивающая свет и звук в самом начале, ни на волос не пропуская их в свою смертельную тишину и пустоту. Начисто опустошённый, будто мумия, он бродил по проспектам, забрёл в городской парк. Уличные шумы туда не проникали. На длинном пруду, обрамлённом парком, горбился пешеходный мостик.

Свирский взошёл туда и стал смотреть вниз, перегнувшись через перила. Обзор с этой стороны застилала темень, потому что вокруг пруда густели старые развесистые

ракиты, заслоняя фонари по берегам. Вода казалась абсолютно чёрной сродни душевной пустоте, завораживала, обезволивала. Свирский не мог отвести взгляда от жидкой тьмы. Он вспомнил своё алмазное безумие, страхи, Романа, маму, разорение и тюрьму. «Господи, как я устал», — подумал он, с отчаянной, страшной отградой осознавая, как легко можно заставить память замолчать. Глубина манила его, обещая долгожданный отдых и покой.

С другой стороны моста в волнах рябили неоновые огни. Извиваясь, в пруду купалось сияющее слово «Кристалл». Наверное, это вывеска кафе, а некогда так называлась корпорация Свирского.

С трудом сбросив тенёта сумасшедшей мысли, привязавшие его к темноте воды, он тяжело, словно деревянный, перебрёл на ту сторону моста, откуда читалось название кафе. Память вытолкнула на поверхность сознания прежнего Свирского, молодого и решительного, кто с весёлой злостью лавировал в зыбях бизнеса, словно серфингист под гребнем волны. Он вспоминал свои виртуозные победы над конкурентами и, забывшись, усмехался. Потом вернулся мыслью к алмазам. Когда-то Свирский читал про их удивительное родство с графитом.

«Алмаз и графит — одно и то же — углерод. Они же и антиподы: алмаз — самое твёрдое на земле вещество, графит — самое мягкое, и так дальше во всём: во внешнем виде, прозрачности, цене. Разве не то же и люди? Одни тверды под ураганами жизни, другие изламываются от любого прикосновения. И есть преобразователь — судьба с её могучими обстоятельствами. Она постоянно пытается превратить алмаз характера в графит и наоборот. Что любопытно, не по одному разу. У судьбы для этого много превратностей. Тут тебе пируэты бизнеса, страхи и страсти, тюрьма, потери».

Ночь загустела, небо стало непроницаемым, таким, словно рассвет наступит только по окончании жизни. Но неоновые рекламы сияли, наивно провозглашая, что темень ничего не значит, и предлагая пёстрый выбор способов убийства времени. Темнота воды тоже предлагала, но способ, а не выбор. Может, вообще самая большая роскошь в жизни — выбор...

На столе в старой малогабаритной квартире, на пахнущей водкой, сжухшейся газете соляным конусом искрилась алмазная пыль.

